

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 19, 21, 22, 24, 30, 32.

Давайте посмотрим, как же сложилась дальнейшая жизнь героя 15-й главы книги академика Рафаэля Гусейнова.

Взошедший на престол вслед за султаном Гусейном шах Ахмед Бахадур, прославивший престол благими делами, «в июне 1377 года запечатлел своё высокое мнение об обожаемом музыканте в характеристике, названной им

«Васфнаме» – «Восхваление», – читаем на странице 449.

«Я бы оказался в затруднении, задавшись желанием разяснить достоинства и превосходные качества Кемаледдина Абдулгадир, наиболее сведущего во всех науках современника, мыслителя эпохи, друга, наперсника моего. А, по мнению PROVIDENCE, прозрачных личностей, нежное ставить себя в затруднительное положение. По этой причине здесь я смогу высказать лишь только тысячную долю и малую толику того, что наблюдал за ним, и что слышал о нём, и я бесцельно выразить это словами.

Он знает наизусть до последней точки «Коран», и озвучивает слова с подобающей интонацией, как если бы аят относился к нему самому. Чтение им «Корана» соответствует изречению в этой книге: «Украшайте «Коран» своим оглашением, ибо прекрасный голос ещё больше возвысит красоту собственную «Корана». А в каллиграфии его почерк изысканнее красочного платя, ценнее названных на нити жемчужин, дороже зеницы ока и сердечной любви. Он владеет в наивысшей степени видами письма, и пишет начинаниями «мухатта», «рейхани», «сульс», «наскх», «ругъ», «товги».

И надо сказать, что такую характеристику Абдулгадир воистину заслужил. Подтверждением тому служит последовавший далее рассказ о том, как однажды в Багдаде султан Ахмед с Абдулгადиром совершали прогулку по реке на галере. Султан прочитал вслух четверостишие поэта Джунейда Багдади и спросил у Абдулгадир, сможет ли он сочинить музыку на каждую строчку этой строфы, сообразно числу сидящих на галере гребцов – тридцать различных мелодий? И пока галера причаливает к берегу, он успевает выполнить просьбу султана. Впоследствии это вокально-поэтическое сочинение стало известным под названием «Девр-и шахи».

Но через некоторое время происходит событие, которые в корне меняют жизнь поэта, сообщает автор книги на странице 454. «В 1386 году султан Ахмед Джедлаири, напуганный победоносными походами войск Тимура и его вторжением в Тебриз, с группой приближённых, в числе которых был и Абдулгадир, бежит в Багдад – свою вторую столицу. Но семь лет спустя 10 августа 1393 года Тимур захватывает и Багдад. На сей раз султан Ахмед обращает взоры на Египет и на этот раз он взял с собой своего любимца Абдулгадир.

Из «Зафарнаме» – «Книги побед» Низамеддина Шаши узнаём о том, что султана с семьёй и группой царедворцев-музыкантов настигла в пути конница Тимура. Среди захваченных в плен был и Абдулгадир. Впервые предстал в Багдаде перед грозным Железным Хромцом, он берёт в руки свой уйд и начинает петь на тюркском – азербайджанском языке:

*Машриг и Магриб покорились тебе,
Трофеи триумфов сгодились тебе,
Победа даётся мудрейшим всегда,
Державя – Всевышнего милость тебе.*

Лесть сработала. Тимур сменил гнев на милость, и он решает отправить Абдулгадир вместе с другими музыкантами в Самарканд. Но, ощущая тягу к родному городу Тебризу, поэт добивается разрешения отправиться туда. Да вот только служить у Мираншаха, сына Тимура, оказалось сущим наказанием. После падения с лошади у него случилось сотрясение мозга, а излечение от мучительной головной боли он находил в запое, за которым следовали несурзные выходы. Когда это дошло до Тимура, он стал искать виновников, доведших Мираншаха до такого состояния. Среди тех, на кого падает подозрение, оказался и Кемаледдин Абдулгадир. Всех троих приказано было повесить. Но поэт под видом убогого дровишка успевает сбежать и спрятаться, что вызывает ещё большую ярость Тимура. Железный Хромец приказал: «Найти и привести его ко мне до казни». Нашли. Привели. Пред грозные очи повелителя. Очевидцы пишут, что многие не выдерживали тяжёлого взора Тимура. У них трескались губы, носом шла кровь... Абдулгадир не теряет присутствия духа и начинает выпевать аяты Священного Корана своим заволагуемым голосом. Тимур видит, что перед ним незаурядное творение Аллаха и впервые в жизни ощущает себя покорённым. И до 1405 года, вплоть до последних дней Тимура, Абдулгадир остаётся его любимцем, – читаем на странице 457.

На государственных фирманах тех времён стави-

лось обозначение «Сёзюмоз», что можно перевести как «Наша воля».

30 марта 1398 года Тимур, ранее приказавший казнить Абдулгадир, поставил свою подпись под фирманом, который гласил: «Абдулгадир – такая личность, уstad людей, которому поклоняются наделённые мудростью, чей нрав достоин похвал, а отзвуки славы его величия ошугили даже бессловесный гранит... Донеде в музыкальном искусстве не являлся подобный ему талант, который бы озвучил такие песни.

*Кто прочёл аят Корана, тыщей истин осиян,
Так Давид, псалмы вещая, был восторгом обуюн,
Так чарующ его голос, что созвездия смугил,
И сама Зохра поблекла, как тамбур, согнувши стан.*

Все его слова, будь стихи, будь проза, не имеют подобия, схожее с ними невозможно. На смотре добродетелей его благородные достоинства не могут вызвать даже малейших возражений. При нашем призооре он был удостоен полнейшей доверительности, обладая недожинным даром, достиг высочайшего положения и исключительного ранга. Он достиг всяческой благосклонности падишаха падишахов, и каждому должно знать, что это заслужено им по праву. И всяк должен стремиться уважать его, исполнять сказанное им, осуществлять его пожелания и считать долгом высоко чтить его».

Это фирман того, чьё слово было разительней мечи, – пишет автор на странице 461. И этой воле Тимура больше всех прочих, быть может, следовало его преемники и наследники.

Далее он сообщает о том, что из исторических источников, запечатлевших восторженные отзывы об Абдулгадире, доносится и голос сына султана Увейсы – Баязида. Его высокие похвалы, по сути, могут служить отражением мнения всех современников великого чародея нашей музыки:

*«Среди личностей славных славнейший один,
Средь солнечных высей вершина вершин,
Он – Абдулгадир ибн Джедлаеддин,
В нём таинство Хизра, гласит им Иса,
В нём дух Мухаммеда, Юсифа краса...»*

Что бы ни высказывали и ни писали в этом духе падишахи и знаменитости эпохи о единственном Разуме, он тысячекратно выше. Даже превыше этих мнений написанных слов. И добавь я к написанному в тысячу раз больше, не смогу обозначить до конца его высоту».

«Сегодня вряд ли развитым народам мира из своей истории XIV-XV веков можно назвать творческую личность, сопоставимую и равновеликую с Марагаи, – пишет автор на странице 477. – Мы не можем трансформировать на современный нотный язык его музыкальные творения, запечатлённые в рукописях по стародавней системе, озвучить их на концертах и удивить международную аудиторию. Тогда любители и знатоки музыки сняли бы шляпу перед памятью творца чарующих восточных мелодий, поклонились бы ему и его родине – Азербайджану».

Из повествования на странице 467, узнаём о том, что у Абдулгадир было трое сыновей, музыкантов, бравших уроки у своего вдохновенного отца. – Нуреддин, Низамеддин и Абдулазиз. В своё время и они снискали известность, писали и трактаты о музыке. Но их имена затерялись в потёмках истории. А лучи таланта Абдулгадир были столь мощными, что пробились сквозь плотный морок веков и источают свет, и ещё будут блистать в будущем, – пишет академик Р.Гусейнов.

«Абдулгадир живёт в своих книгах – самых верных, надёжных детищах, – это «Канз аль алхан» – «Кладёзь мелодий», «Джаме аль-алхан» – «Собрание мелодий», «Канз аль-лахиный» – «Сокровищница благозвучий», «Шарх аль-китаб и адвар» – «Комментарий к трактату «Книга о периодах», «Зубда аль-адвар» – «Избранные мелодии», «Фаваид ашара» – «Десять благ»...

130 мелодий сочинил средневековый композитор. Но он был и поэтом.

До нас не дошёл его исполнительский голос, но исходящие из его стихов звуки сохраняют и передают первозданную свежесть.

*Найди исцеленье мучительным ранам,
Коль врач не врачует, слышь он профаном.
Спасенье – в кумире, бальзам – в луноликой,
Паду я заклянью, паду бездыханным.*

*Я чаю ласканию, сподобился яда,
Не стала больному бальзамом желанным.
Твердить о «каноне», канон dokonает,
Спасенье в Аллахе, он в помощь всегда нам.*

*Спой песню, – просила, сложи я и спел я,
Исполнил на уде с напрым стараньем.
Коль Абдугадир найдётся целитель,
Уверен, с Кораном придёт боготанным.*

«Султан Ахмед вместе с Абдулгадиром»

Он знал в совершенстве и писал на трёх языках – на тюркском (азербайджанском), фарси и на арабском. Протитированные выше стихи созданы на фарси. Есть у него стихи и на чистом родном языке».

Более того, Абдулгадир был изобретателем, – сообщает автор книги на странице 472. Он усовершенствовал уд, как и канон. Изобрёл и сработал из 46 медных пластин уникальный инструмент – «саз-и аллах», придумал и смастерил из 76 разногабаритных фарфоровых чаш инструмент «касат» (от слова «кясас» – «чаши»). Расширил спектры звучания чуть ли не всех существовавших в его время музыкальных инструментов...

На исходе 1435 года постаревшему, но ещё исполненному жаждой творчества, не расстававшемуся с пером и уdom Абдулгадир пришлось пережить потрясение, вызванное эпидемией холеры, косившей людей.

Когда в Герате мор косил людей, султан Шахрух, зимовавший в провинции Рей, во избежание паники и заражения населения запретил принимать письма и отправления со стороны Хорасана, с опасного направления. Быть может, среди писем из Герата, предававшихся огню, была и весточка от Абдулгадир? Кто знает... Но задолго до своего ухода он отправил послание, которое можно считать его завещанием, адресованным в будущее.

*И день грядёт, ни радости, ни слёз не станется,
Истлеет плоть, пера, руки и грёз не станется.
Останутся лишь только мои книги.
Душа моя друзьями воспомянется.*

В апреле 1985 года на знаменитом лондонском аукционе «Сотбис» на торги была выставлена старинная ветхая рукопись, относящаяся к 1423 году, – сообщает автор книги на странице 479. Некогда она принадлежала турецкому музыковеду Рауфи беку Йекта (1871 – 1935). После его кончины раритетный манускрипт, переходя из рук в руки, оказался за рубежом, и теперь был представлен на самых шумных торгах мира. Покойный Рауф бек купил эту рукопись в Стамбуле в 1883 году у человека, продававшего антикварные книги, за 100 франков. На лондонских торгах была заявлена цена в 11 тысяч фунтов стерлингов. Менее чем за пять веков ценность рукописи возросла в сотни раз! Покупатель, пожелавший остаться анонимным, молча, внёс сумму и стал обладателем рукописи.

Это был трактат Абдулгадир Марагаи «Магасид аль-алхан».

Как знать, какова сейчас цена этой рукописи? А завтра? А через сотню лет? Вообще, можно ли оценить в фунтах и долларах подобное достояние?

И за какие тридцать земель ещё занесено наше, кровное, исконное? – задаётся вполне справедливым вопросом академик Рафаэль Гусейнов.

Подготовила

Медина ГАСАНОВА.
Заслуженный журналист
Азербайджанской Республики.